

УДК 130.2:32 + 314.04 + 316.347

ЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА НА ПЕРЕКРЁСТКАХ КУЛЬТУР

И.А. Фролова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь)

Сегодня Европа оказалась очень привлекательной для граждан азиатских, африканских и латиноамериканских государств благодаря высокому уровню жизни и возможности найти лучше оплачиваемую работу по сравнению с той, которую можно получить на родине. Именно поэтому диаспора стала особой формой существования для представителей различных неевропейских культур. В самой Европе боятся, что этнические сообщества способны изменить характер европейской цивилизации. Основная задача статьи состоит в том, чтобы представить спектр проблем (главным образом демографических и политических), связанных с деятельностью некоторых диаспор в Германии, Италии, Испании, Франции и России. Многие так называемые этнические проблемы иногда коренятся либо в колониальном прошлом, либо в политической жизни Европы после окончания Второй мировой войны, а сегодня имеют негативные политические последствия (например, расизм) и смутные культурные перспективы.

Ключевые слова: *раса, расизм, демография, неравенство, политика.*

Полиэтничность современных государств Западной Европы становится поистине политической проблемой как для них самих, так и для представителей иных культур. Конечно, в каждой европейской стране есть своя история возникновения этнических сообществ, но если попытаться выявить какую-то главную причину их появления, то она связана с особенностями развития современной капиталистической мировой экономики, с демографическими проблемами самих европейских государств и политикой мультикультурализма, которая постепенно выросла из движения борьбы за права человека. Сегодня говорят о процессе глобализации, который меняет саму структуру экономики. Дело в том, что ещё тридцать лет тому назад на Западе были востребованы малоквалифицированные рабочие, но сегодня активно развивается сектор всевозможных услуг, куда и устремляются граждане иных государств в поисках более высоких заработков. Они могут приезжать либо по туристической визе, оставаясь затем на положении нелегалов, либо по рабочей визе, либо используют практику «воссоединения семей». Кроме того, недавние политические потрясения в мусульманских странах Средиземноморья показали, что возможен и иной поворот событий, когда потоки беженцев устремляются в Европу, пытаясь вывезти свои семьи, как говорится, из-под огня. На Италию обрушился поток людей из Северной Африки, и итальянцы не были готовы к такому великому переселению ни юридически, ни материально. К тому же Италия и без того на-

воднена иммигрантами. Заговорили даже о необходимости строгого пограничного контроля в странах Европы.

Если обратиться к статистике, то «сегодня Западная и Центральная Европа стала домом для 36–39 миллионов иностранных мигрантов, что составляет одну пятую от числа мигрантов мира. В одной только Германии проживает 10 миллионов иностранцев, а во Франции – 6,5 миллионов» [7, с. 467]. Статистика иностранцев, рожденных в рассмотренных европейских странах, говорит о значительном их приросте по сравнению с прежними годами. Если сравнить динамику прироста рождаемости иммигрантов в 1988 и 2005 гг., то она будет выглядеть следующим образом:

Страны	Год	
	1988 (тыс. чел.)	2005 (тыс. чел.)
Франция	3 714	6 471
Германия	4 489	10 144
Италия	645	2 590
Испания	360	4 790

Таким образом, тенденция увеличения численности иностранцев очевидна, и с этим фактором обязательно придётся считаться. В 2010 г. средства массовой информации активно освещали и обсуждали решения правительств Италии и Франции по высылке цыган и по проблеме ограничения въезда нелегалов. Финансирование отъезжающих за пределы той же Франции вряд ли возымеет позитивные последствия. Подобная практика не нова: она применялась по отношению к турецким гастарбайтерам в ФРГ в начале 1980-х гг., но так и не смогла положить предел росту турецкой общины. К этому мы ещё вернёмся, а пока хотелось бы более подробно остановиться на вопросах возникновения и существования иммигрантских сообществ на территории Германии, Франции, Италии и Испании. Полагаю, что такой экскурс в прошлое и настоящее столь серьёзного вопроса позволит понять глубину и неоднозначность данной проблемы.

1. Турецкая община в ФРГ и современной Германии

Турецкая община на территории ФРГ появилась в результате своеобразных политических игр, которые были затеяны турецкой стороной в качестве члена НАТО как раз в период бурного оживления немецкой экономики в начале 1960-х гг. Дело в том, что на тот момент Германия принимала потоки неквалифицированных рабочих из южной Европы – главным образом из Португалии, Югославии, Италии и Греции. Греция, как член НАТО, имела такую возможность; Турция, используя идею равенства и солидарности всех членов этого блока, выторговала себе точно такую же возможность – поставлять в Германию рабочую силу. Следует сказать, что до появления низкоквалифицированных рабочих из сельских районов

Турции в Германии уже была небольшая турецкая диаспора, состоявшая в основном из довольно обеспеченных и образованных людей: дипломатов, врачей, бизнесменов. Они жили в достатке и имели высокие требования к качеству жизни. Вновь прибывшие работники селились на окраинах крупных индустриальных центров в общежитиях. Немцы полагали, что, отработав по контракту, турки вернутся на родину, но их ожидания не оправдались, в том числе и потому, что сами немецкие наниматели не были заинтересованы в их отъезде, так как им пришлось бы тратить деньги на обучение вновь прибывших. Контракты продлевались, турки выписывали сюда свои семьи, рождались дети, а диаспора продолжала расти. Турецкие рабочие со временем не только хорошо устроились в Германии, но и поддерживали своих родственников в Турции, высылая им денежные переводы. Тем самым они поддерживали и турецкую экономику, способствуя снижению уровня бедности, что положительно воспринималось правительством Турции.

Период экономической стабильности в Германии закончился в начале 1970-х гг. Тогда на территории Германии проживало 910 500 турок. Поскольку началась безработица, правительство приняло решение запретить с 1973 г. ввоз рабочей силы из стран, не входивших в ЕС, но турецкая диаспора продолжала расти за счёт воссоединения семей. Механизм пополнения диаспоры был прост: либо турок, проживавший на территории Германии, ввозил жену-турчанку из своего клана (как правило, из сельской местности), либо турчанка выходила замуж за гражданина Турции из своего же клана и также ввозила его в Германию. Применение такой схемы привело к тому, что уже к 1983 г. число гастарбайтеров в диаспоре снизилось до 25 %; 53 % составляли лица, въехавшие в страну по статье о воссоединении семей, а 17 % составляла родившаяся в Германии молодёжь. По мере роста численности турецкого сообщества и улучшения его материального положения турки стали переселяться с окраин в престижные городские кварталы, геттоизируя их. Соответственно немцы предпочитали их покинуть, а рост недовольства среди коренного населения всё возрастал.

Правительство не могло больше игнорировать эту проблему и в 1982 г. попыталось тактично избавиться от избытка турецкого населения, чем навлекло на себя гнев турецкого правительства, которое обвинило Германию в нарушении прав человека. В 1983 г. правительство Гельмута Коля обнародовало «Закон о поддержке возвращающихся», согласно которому каждый уезжающий взрослый турок получал 10 тыс. марок, а каждый ребёнок – 1500 марок. Турки поступили по-своему: взяли деньги, выехали, а затем вернулись.

Имущественное расслоение в диаспоре стало наблюдаться со второго поколения иммигрантов. Появилось мощное «среднее сословие», куда входили и предприниматели. Согласно данным статистики и исследований, «число предприятий возросло с 1985 по 2000 год с 22 тыс. до 59

тыс. Это означает прирост на 270 % и годовой прирост в 11 %» [1, с. 54]. Если говорить о ситуации в Берлине, то здесь «84 % всех турецких предпринимателей создают рабочие места. Чаще всего в них работают члены семей. 60 % турецких предпринимателей берут на работу только турок, однако 31 % нанимает и немцев» [1, с. 55]. Таким образом, к началу 2001 г. турецкая община выглядела совсем иначе, чем в 1960-х гг.: она стала мощной и в финансовом отношении вполне независимой и самостоятельной структурой. Несмотря на социальную неоднородность, она тесно связана с родиной, сохраняет свой язык и традиции и не собирается ассимилироваться. Впрочем, правительство Германии относится к её членам не так, как к «контингентным беженцам», т. е. к этническим немцам и евреям из бывшего СССР. Дело в том, что «в Германии, где находилось самое большое число иностранных рабочих, окончательная ассимиляция или даже интеграция иммигрировавшего населения не рассматривалась в качестве соответствующей социальной задачи. Немногим из приблизительно 3 миллионов турков, например, предоставляется гражданство, даже тем, кто родился в Германии и ничего не знает о других обществах. До 2000 года гражданство Германии базировалось на происхождении (родословной). Это означало, что этнические немцы, живущие, например, в России в нескольких поколениях, но не говорящие на немецком языке, могли получить гражданство Германии, просто прибыв в Германию (что многие и делали в 1990-х). Напротив, очень немногие турки из второго и третьего поколения, живущие не где-то, а в Германии и говорящие только по-немецки, не могут получить право на гражданство» [7, с. 469].

К мусульманским беженцам из Боснии, косовским албанцам отношение иное, потому что они попадают в категорию беженцев, и для них, а также для этнических немцев и евреев из СССР с 2005 г. открываются интеграционные курсы и другие программы, способствующие адаптации и ассимиляции. Турки остаются вне этих программ.

Турецкая община сегодня создала довольно разветвлённую сеть самых разнообразных мусульманских сообществ. Их насчитывается около 2400, и они организуются вокруг мечетей как центров культуры. Многие граждане Германии видят, что «мечети становятся неотъемлемой чертой немецкого городского ландшафта. Большинство мусульманских общин подключено к тюрко-мусульманским организациям» [там же, с. 51]. Речь идёт о Турецко-исламском союзе (DİTİB), образованном в 1984 г., который сотрудничает с турецкими и германскими властями; довольно влиятельно и кёльнское исламское общество «Милли Гёрюш» (IGMG), что переводится как «Национальный взгляд». Оно объединяет 500 местных религиозных общин. В 1995 г. в Гамбурге возникла «Турецкая община Германии», объединившая 200 организаций. Ортодоксальный ислам пустил корни в Германии по той простой причине, что изначально гастарбайтеры прибывали из сельских районов, где очень сильны религиозные традиции. Самое удивительное состоит в том, что ортодоксально настроенные турецкие граж-

дане, проживающие в Германии, враждебно относятся к проевропейски настроенному турецкому правительству. Турецкое правительство со своей стороны очень надеется на то, что турки в Германии поддержат его курс на сближение с ЕС. Таково положение дел.

Многие немцы опасаются, что турецкая община, если она консолидируется и её представители вольются в ряды ведущих партий Германии, в перспективе может представлять политическую угрозу. Однако пока никакой единой воли не наблюдается. К тому же создание турецкой партии невозможно по конституционно-правовым причинам. В Германии партии организуются не по этническому принципу. Есть партии, в основе которых лежит конфессиональный принцип – ХДС и ХСС, но их ядро составляют католики или протестанты, но никак не мусульмане, хотя теоретически они открыты для всех. Захват турками немецких партий пока утопия, но если многообразные мусульманские течения смогут договориться, трудно сказать, что из этого может получиться. На сегодняшний день только незначительная часть турецкой диаспоры является гражданами Германии. Положение турецких иммигрантов в Германии уникальное, потому что уже в третьем поколении они живут как бы между двумя культурами, и по отношению к ним применяется особый термин – «гибридная идентичность», что подразумевает синхронную принадлежность сразу к нескольким культурам. Рост численности турецкой общины тревожит канцлера ФРГ госпожу А. Меркель. «Свыше 75 процентов турок, живущих за пределами Турции, осели в Германии, – заявила Меркель в интервью журналу «Таймс». – Мы не настаиваем на том, чтобы они отказались от мусульманской веры. Мы лишь говорим, что Германия – страна христианская и турки должны это понимать... Требование о принятии Турции в Евросоюз – грандиозная политическая ошибка. Мы слишком разные, мы абсолютно по-разному относимся к правам человека. Попробуйте-ка открыть христианскую церковь в Стамбуле!» [3, с. 144].

Многочисленные репортажи из Германии демонстрируют всю сложность проблемы общения двух миров – исламского и христианского. Для Германии данная проблема имеет не столь давнюю историю, если сравнивать её с историей диалога между французами и алжирцами. Однако немцы уже осознали, что решать её придётся всем миром и очень постепенно. Сегодня становится ясно, что происходит процесс диаспоризации населения мира. С этнической точки зрения почти все страны Европы напоминают плащ францисканского монаха, покрытый заплатками разного цвета. Если учесть, что между государствами границы становятся всё более прозрачными, то диаспоры вполне напоминают сеть, раскинутую по всему земному шару. С этой реальностью следует считаться.

2. Алжирское сообщество во Франции: проблема гражданства и социальной адаптации

События во Франции, связанные с исламским фактором, периодически приковывают внимание прессы. Речь идёт не только о дискуссиях

вокруг вопроса о праве мусульманских женщин носить покрывало в общественных местах, школах и учреждениях; поджоги автомобилей стали демонстрацией несогласия многих выходцев из Алжира с их бедственным положением и расовой дискриминацией. В чём же состоит их проблема?

Алжирская диаспора включает в себя три круга представителей: первый – это те алжирцы, которые имеют двойное гражданство, второй – те, у кого его нет, и третий – те, кто утратил алжирское гражданство, но помнит о своём происхождении. У каждой категории людей возникают свои отношения с властями Франции и Алжира. Следует напомнить, что ситуация с иммигрантами из Алжира во Франции совсем иная, чем у немцев с турками. Алжирцы прибывают во Францию на протяжении ста лет. Первый поток устремился сюда после Первой мировой войны, когда требовалась рабочая сила для промышленности и сельского хозяйства. К тому же нужны были и солдаты. В 1960-е гг., после обретения Алжиром независимости, поток иммиграции немного сократился, а «с 1970 по 2000 год, по данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE), доля алжирской иммиграции в иностранном населении во Франции постоянно сокращалась. В 1982 году она составляла 21,7 %, а к 1990 году снизилась до 17,1 %, а к 1999 году упала до 14,6 %» [1, с. 78]. Казалось бы, цифры вполне утешительные, но нужно понимать, что во Франции проживает 4 млн алжирцев, т. е. примерно 90 % всех алжирцев, въехавших в Европу. Они живут по конституции и законодательству Алжира, что подразумевает их участие в выборах на родине. При этом алжирцы требуют перемен от французского общества и стремятся под себя переделать политику этой страны. Например, они возмущаются тем, что в Национальное народное собрание во Франции от алжирских граждан выдвигается один депутат от 500 тыс. человек, в то время как в Алжире – один от 80 тысяч. Их не устраивает, что Франция стремится защитить себя от их влияния! Кто знает, может быть, когда-нибудь и Германия столкнётся с такой проблемой, когда «гость» захочет играть роль хозяина.

Алжирцы говорят о расовой дискриминации, и вероятно, вполне обоснованно, ведь расизм может проявляться как запрет на самовыражение и социальное продвижение. Этьен Балибар, характеризуя ситуацию во Франции, полагает, что «идеологически расизм вписывается в рамки “безрасового расизма”»; главной его темой является не биологическая наследственность, а невозможность уничтожить культурные различия» [2, с. 31]. Избежать расизма – значит проявлять толерантность и держать «культурную» дистанцию.

Арабофобия во Франции обусловлена страхом перед «чужими», а чтобы перестать быть таковыми, требуется время и полная ассимиляция, на что алжирцы не согласны, что объясняется и особенностями алжирского гражданского законодательства, которое создавалось под влиянием мусульманского права. Так, согласно ст. 28, независимо от

того, имеет ли гражданин Алжира двойное гражданство или нет, его имя и имена его детей должны быть алжирскими: по отношению к мальчикам закон особенно тщательно соблюдается, а по отношению к девочкам – нет, поскольку продолжение фамилии идёт по мужской линии. Это правило не распространяется только на детей иных конфессий. Таким образом, алжирское имя во Франции становится маркером чуждости и препятствует в каком-то смысле ассимиляции. На бумаге, конечно, все равны перед законом; в документах нигде нет графы об этнической принадлежности и никому не вменяется в обязанность интересоваться этим вопросом. На деле все обстоит несколько иначе, и расистские настроения во французском обществе все же присутствуют. Реально доказать расовую дискриминацию невозможно.

Служба в армии обязательна для совершеннолетнего алжирца, где бы он ни проживал – за границей или в Алжире. Если у него двойное гражданство, то он освобождается от двойного прохождения военной службы и может выбирать место её прохождения, но предварительно, на основании алжиро-французского соглашения от 11 октября 1983 г., обязан сообщить о своём выборе в оба государства.

Интересен тот факт, что французское законодательство допускает двойное гражданство, а алжирское – нет. Это означает, что всякий гражданин Алжира, получивший двойное гражданство, должен быть лишён алжирского. Почему же алжирское правительство этого не делает и закрывает глаза на существование такого различия? Потому что оно заинтересовано в пополнении численности диаспоры во Франции и усилении своего влияния. В алжирском Законе о гражданстве (ст.18, п. 18) сказано, что «алжирское гражданство теряется, если алжирец добровольно получил за границей иностранное гражданство и его отказ от алжирского гражданства подтверждён правительственным декретом» [1, с. 94]. Если речь идёт о женщине алжирского происхождения, вышедшей замуж за иностранца, то она берет гражданство супруга. Подтверждение отказа от алжирского гражданства декретом правительства в «Официальной газете Алжирской Народной Демократической Республики» обязательно. Таким образом, если сам человек не подал такую заявку, то он вполне может иметь двойное гражданство и в случаях для себя чрезвычайных рассчитывать на помощь обоих государств. Так алжирское законодательство создало лазейку для иммиграции. Ситуация уникальная и имеет серьёзные политические последствия, потому что алжирцы не хотят быть эмигрантами в Алжире и иммигрантами во Франции. Они мечтают о другом: и там, и здесь быть гражданами, но усидеть на двух стульях одновременно редко кому удаётся, и такое стремление вызывает недоумение у многих французов.

Французское правительство пытается урегулировать данную проблему и в последнее время активно изучает предложения по финансированию строительства мечетей, чтобы закрыть каналы участия в

этом иностранных государств (арабских стран в первую очередь). Только при таком условии власти смогут контролировать деятельность религиозных центров и избежать использования их различными экстремистскими группировками. Вопрос этот серьёзный, ведь ещё в 1905 г. во Франции был принят закон, запрещающий правительству принимать участие в строительстве храмов, церквей и т. д. И вот сегодня, когда ситуация резко изменилась в силу процессов глобализации, правительство Франции делает шаги по отмене данного закона и пытается защитить общество, усиливая позиции государства в решении конфессиональных проблем. Во Франции действует Высший Мусульманский Совет в составе 16 членов, представляющих все направления и секты ислама. Среди них есть те, кто ориентирован на Запад, а также те, кто воспринимает Запад в качестве вечного соперника. С 24 марта 2001 г. во Франции появилась политическая партия «Многообразная Франция», представляющая интересы местных мусульман. В её структуре 24 комитета, которые и должны наводить мосты с помощью самих иммигрантов-мусульман, а также изучать проблемы, которые волнуют мусульман, и формировать общественное мнение по этим вопросам.

Присутствие алжирцев во Франции обусловлено прежней долгой историей отношений бывшей колонии и бывшей метрополии, что нашло отражение в законодательстве обеих стран, у каждой из которых свои интересы. Франция предоставляет гражданство по факту рождения во Франции. Здесь не нужно, как в Германии, доказывать своё немецкое происхождение. Чтобы считаться французом, необходимо обязательно говорить на французском языке и принимать французские культурные нормы и ценности.

Франция, как и многие другие страны Запада, стала магнитом, притягивающим представителей мусульманской цивилизации, ищущих лучшей жизни. Конфликт культур и, как следствие, расистские настроения налицо. А возможны ли расистские настроения в случае, когда объектом иммиграции становится страна с родственной культурой и языком? Оказывается, и это возможно, если обратиться к истории формирования латиноамериканской общины в Испании.

3. Уроженцы Латинской Америки в Испании

Многие исследователи указывают, что Испания принимает колоссальное число иммигрантов из данного региона и с 2001 по 2006 гг. их численность увеличилась почти в четыре раза, достигнув более чем 4 млн человек: «Общая численность иммигрантов (легальных и нелегальных) по некоторым оценкам в 2006 году достигла 4,8 миллионов, что составляло 10,9 % населения в Испании. Свыше 90 % прироста населения в Испании приходится на долю иммигрантов. Особенно быстрыми темпами растёт латиноамериканская диаспора» [1, с. 101]. Что же произошло и чем обусловлен такой наплыв иностранцев? Очевидно, испан-

ское правительство предпочло принимать в качестве иммигрантов лиц из родственных по языку и традициям культур, чтобы как-то избежать откровенного противостояния несхожих цивилизаций. Демографическая ситуация здесь так же незавидна, как и во всей Европе. 23 января 2003 г. в испанском законодательстве была обнародована важная поправка, которая гласила, что прямые потомки испанских переселенцев в Латинской Америке получают право возвратиться в Европу и получить испанское гражданство. При этом достаточным считалось, чтобы только один из родителей в прошлом был гражданином Испании. Самый большой приток иммигрантов дал Эквадор (458 тыс.), затем Колумбия, Аргентина и Боливия. Меньше всех прибыло мексиканцев (42 тыс.), но объясняется это близостью к Мексике США. Уже к 2008 г. латиноамериканская община официально насчитывала около 2,4 млн жителей. Мотивы иммиграции менялись во времени: если в 1970-х речь шла о политической иммиграции, то уже с 1985 г. главным становится поиск работы в стране, близкой по языку, которая является воротами в благополучную Европу. Кто-то хотел подзаработать на покупку дома у себя на родине, кто-то улучшить собственное качество жизни в самой Испании, а кому-то хотелось создать собственное дело, дать хорошее образование своим детям. Мотивов было много. «В 2002 году в качестве туристов в Испанию въехало 550 тыс. человек, а выехало 86 тыс.» [там же, с. 102]. Трудно сказать, какой процент остался в Испании, а какой распространился по странам Европы, но цифры в любом случае впечатляют. Среди иммигрантов больший процент составляют мужчины. Как правило, все, кто прибыл сюда трудиться, – наёмные работники (93 %), а остальные 7 % работают в автономном режиме. Без дискриминации не обходится и здесь: «...эквадорцы зарабатывают значительно меньше, чем испанцы, даже выполняя одинаковую работу... В некоторых городских кварталах владельцы жилья отказывают иммигрантам в его аренде, даже если у последних есть средства для оплаты квартиры или комнаты» [там же, с. 108]. Расизм явно имеет место. Кроме того, ситуация в Испании ярко иллюстрирует идею И. Валлерстайна о том, что расизм играет важную роль в капиталистической экономике в том смысле, что воспроизводит рабочую силу, которая и во втором поколении занимает ту же экономическую нишу: «Латиноамериканцы второго поколения во многом повторяют на рынке труда судьбу своих родителей... Например, 33,3 % молодых перуанцев с высшим университетским образованием заняты на должностях, не требующих никакой квалификации, а ещё 44,4 % заняты неквалифицированным физическим трудом» [там же]. 100% доминиканцев, имеющих высшее образование, занимаются неквалифицированным трудом, в то время как среди их испанских сверстников с высшим образованием им заняты от 3,1 до 5,4 % граждан.

Правительство Испании озабочено тем, чтобы сделать иммиграцию легальной и упорядоченной, но вышедший в 2005 г. закон о проживающих

в Испании без права гражданства позволил только получить разрешение на проживание лицам, которые занимаются трудовой деятельностью шесть месяцев. Учёт иммигрантов налажен, но легализация не гарантирует равенства ни в плане заработка, ни в плане условий труда с местным населением. Как правило, иммигранты работают без подписания контракта, и если они чем-то недовольны, их просто увольняют.

Взаимоотношения с местными жителями складываются по-разному. Выяснилось, что они более охотно общаются с латиноамериканцами и выходцами из Восточной Европы. Африканцы – третьи в шкале предпочтений. Наиболее доброжелательно испанцы относятся к представителям стран ЕС, потому что они материально обеспечены и независимы. Опросы показали, что второе поколение доминиканцев и перуанцев от 14 до 25 лет считает испанцев либо откровенными расистами, либо в определённой степени расистами. Сами жители кварталов предпочитают сосуществовать, не смешиваясь, т. е. параллельно. Таким образом, сегодня трудно говорить о какой-то реальной интеграции латиноамериканцев в испанское общество, несмотря на общность языка и оснований культуры. Испанцы готовы предложить латиноамериканцам рабочие места в сфере обслуживания и домашнего хозяйства, но делиться с ними своими политическими правами они не намерены.

4. Диаспоры в Италии

Италия с давних пор поставляла мигрантов в США и другие государства, но ситуация резко изменилась в начале 1980-х гг., потому что она сама превратилась в страну, принимающую иммигрантов из стран третьего мира. Почему Италия стала столь привлекательной? Прежде всего, здесь существует необозримый сектор теневой экономики, а спрос на дешёвую рабочую силу высок на севере, где активно развивается промышленность, и на сельскохозяйственном юге. Италия – это ворота в Европу, как и Испания. Очевидно, этим и объясняется полиэтничность сообществ, которые проживают на её территории. Следует сказать, что основную часть иммигрантов составляет восемь стран. Вот почему выходцы из них составляют наиболее многочисленные диаспоры. Много хлопот доставляют итальянцам цыгане, которые стали прибывать после вступления Румынии в ЕС. Итальянское правительство пытается избавиться от излишнего притока нелегалов, но пока без особого успеха. Данные статистики о соотношении численности прироста местного населения на фоне ужасающих цифр притока извне заставляют правительство принимать решительные меры: «Данные Итальянского института статистики говорят о том, что если в целом население Италии за 2004–2007 годы увеличилось на 850 тыс. человек, то иммигрантов за тот же период стало больше на 1,47 млн человек, а их общая численность составила 2,67 млн человек» [там же, с. 122]. Благотворительное католическое общество «Каритас» ведёт свою статистику, которая

значительно отличается от государственной. Так, «в 2008 году в Италии жили и работали приблизительно 3,9 млн легальных иммигрантов. Их доля в населении страны составляет 6,7 %» [там же].

Самыми крупными диаспорами являются: румынская (625 тыс.); албанская (402 тыс.); марокканская (366 тыс.); китайская и украинская (по 150 тыс. человек в каждой); филиппинская (100 тыс.); тунисская (93,6 тыс.); египетская (69,6 тыс.). Выходцы из Европы составляют 52 %, из Африки – 23,2 %, из Азии – 16,1 %, из Латинской Америки – 8,6 %. В гендерном отношении картина примерно такова: среди иммигрантов из Индии, Туниса, Марокко и Албании преобладают мужчины. Женщины составляют большинство среди прибывших из Центральной Европы, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Особую симпатию итальянские политики питают к Албании, потому что полагают, что обе страны являются неотъемлемыми частями Адриатической цивилизации и у них друг перед другом особые обязательства.

Казалось бы, столь пёстрая этническая картина должна была привести к гетоизации – компактному расселению по районам, но этого не произошло. Даже мусульмане не выразили желания как-то отделиться. Впрочем, это не мешает мусульманским лидерам в Италии выступать с требованиями предоставить мусульманской женщине право сниматься в хиджабе для всех официальных документов; право для мусульман иметь оплаченный отпуск во время совершения хаджа в Мекку, а также не работать по пятницам, в праздник разговения (ид-аль-фитр) и праздник жертвоприношения (ид-аль-адха). Они требуют также, чтобы было легализовано право мусульман иметь несколько жён и совершать, находясь на работе, ежедневную полуденную молитву. Понятно, что эти вопросы регулируются мусульманским правом. Корректировать итальянское законодательство с учётом интересов мусульман – значит создать юридический прецедент, и тогда все остальные диаспоры резонно зададут вопрос: а чем мы хуже и почему нам не идут навстречу? Во что превратится итальянское законодательство – трудно представить. Итальянское правительство позволяет мусульманам строить мечети – их уже более 200. Игнорировать эту проблему нельзя, потому что ислам стал второй по численности верующих религией в стране, подавляющее большинство которых – арабы и африканцы.

Следует сказать несколько слов и о китайской диаспоре. В отличие от других, китайцы въезжают сразу семьями. Они прибывали в Италию через другие страны Европы. Если в 1980-х сюда устремлялись молодые люди, мечтавшие открыть свой бизнес, то сегодня возраст въезжающих изменился и составляет от 40 до 50 лет. Почему? Потому что предприятия уже открыты и требуется приток дешёвой низкоквалифицированной рабочей силы. Итог их экономической активности за 30 лет таков: «На сегодняшний день китайцы составляют большинство собственников предприятий малого бизнеса из числа неграждан ЕС в Ита-

лии» [там же, с. 132]. Вот небольшой список организаций, основанных в Италии китайской диаспорой и отражающих их интересы: «Всеобщая конфедерация китайских иммигрантов и этнических китайцев» (Флоренция), «Миланская торговая палата китайских эмигрантов и этнических китайцев», «Римский генеральный союз этнических китайцев и китайских эмигрантов», «Ассоциация этнических китайцев и китайских эмигрантов» в Венеции и Прато. Из названий явствует, где обосновались наиболее многочисленные и влиятельные общины. Китайцы в Италии, как и турки в Германии, сохраняют собственный уклад жизни, независимо от прожитых на чужбине лет, а браки предпочитают заключать с представителями своей национальности. Они, как и мусульмане, не стремятся к интеграции в итальянское сообщество.

5. Китайские сообщества в России

Россия столкнулась с проблемой иммиграции из Китая после распада СССР. С одной стороны, это обусловлено чисто экономическими причинами: Китай стал привлекательным для местных приграничных «челноков», а также для тех россиян и китайских граждан, кто открывал торговый бизнес в центральной части России. Приграничные территории Дальнего Востока до XIX столетия были китайскими и до сих пор рассматриваются китайцами как их собственные территории. Последний конфликт между СССР и Китаем на рубеже Амура и Усури состоялся совсем недавно – в 1969 г. Многие западные политики полагают, что Китай в ближайшей перспективе попытается вернуть себе утраченные земли, либо развязав войну, либо совершив «демографическое наступление», что, в общем, вполне реально, учитывая тот факт, что три четверти российской территории за Уралом заселяет всего 8 млн человек, а к югу от них живет 1,25 млрд китайцев. Английский журналист Джон О'Махони совершил в 2001 г. поездку на российский Дальний Восток и на Камчатку и был просто шокирован темпами вымирания местного населения: «Россия сокращала своё население темпами, беспрецедентными для развитого индустриального государства в мирное время» [6, с. 1]. Особенно его поразили темпы вымирания людей на Чукотке, которая занимает площадь с три Великобритании, «где население сократилось со 180 000 в 1990 году до 65 000 сегодня. По оценке экспертов, в ближайшие пять лет эта цифра уменьшится до 20 000 человек, вследствие чего инфраструктуру региона уже невозможно будет поддерживать в надлежащем состоянии» [там же].

В районе Владивостока ситуация не очень-то внушает оптимизм. На границе с Китаем торговля продолжается, но наметилась интересная тенденция: россияне, не удовлетворённые низкими пенсиями и высокими ценами на продукты питания и недвижимость, предпочитают покупать жильё на китайской территории и жить на свою мизерную пенсию, поскольку там это возможно. Роберт Кортелл, журналист газеты «Finan-

sial Times», отмечал следующее: «Отношение русских на Дальнем Востоке к китайцам всё сильнее напоминает паранойю. Результаты голосования, состоявшегося в прошлом 2001 г. в Приморье, области вокруг Владивостока, к югу от Хабаровска, показывают, что 74 процента населения ожидают от Китая скорого присоединения этих территорий к своим владениям» [5, с. 10]. Очевидно, что люди ощущают себя «забытыми» собственным правительством. Они живут на острове, от которого до Москвы очень далеко. Проблемы копятся, но не решаются. Фоном для такой драматической ситуации в каком-то смысле стало и сворачивание советского проекта под названием БАМ. Дело в том, что местное население в силу невозможности достойно зарабатывать или при случае покинуть эти районы, практически не получало притока нового населения, и китайцы постепенно занимают здесь свою демографическую нишу. П. Бьюкенен отмечает, что «уже сейчас китайские поселенцы перебираются в Россию, как американцы когда-то заселяли север американского штата Техас, позднее отошедшего к США» [3, с. 147].

Примером «демографического наступления», о котором говорит Бьюкенен, может стать ситуация, которая сложилась во Внутренней Монголии – автономном районе Китая, где после 1949 г. этнический состав населения поменялся в пользу китайцев настолько быстро, что уже к началу 1990-х гг. из 20 млн жителей только 1,7 млн человек составляли монголы.

Китайские иммигранты прибывают в Россию из аграрных районов Китая, где средний уровень жизни чрезвычайно невысок и существует переизбыток населения и безработица. «Китайская экспансия» распространяется на весь мир и активно поддерживается Коммунистической партией Китая как инструмент её политики, суть которой отражается в лозунге от 2000 г. – «Идти вовне». Задача весьма конкретна – захватить 10 % доли рынка труда, чтобы обеспечить работой растущее население Китая. Пока эта цифра не достигнута и составляет всего 3 %, но китайцы упорно работают над реализацией планов партии. Дело в том, что китайские экономисты прогнозируют, что ежегодный отток из Китая 2 мл. граждан может привести к появлению за пределами Китая и внутри страны 10–20 млн рабочих мест.

Как способствовать оседанию китайцев вовне? Партия Китая с 2007 г. начала реализовывать новую программу, которая позволяет брать в аренду пахотные земли или приобретать их в собственность в зарубежных странах. В России есть много плодородных земель, которые пришли в запустение после распада СССР по разным причинам: отток населения в города в поисках работы и, как следствие, развал коллективных хозяйств; отсутствие должной финансовой помощи для закупки техники и топлива оставшихся «в живых» коллективных и фермерских хозяйств; монополия посредников; невозможность конкуренции на российском рынке с импортным продовольствием с низкими це-

нами; отсутствие развитой инфраструктуры, практика активной распродажи земли, которая используется не по целевому назначению. Этой ситуацией и воспользовались китайцы.

Труд на новых землях, по мнению Компартии Китая, позволит поставлять качественную сельскохозяйственную продукцию для мировых рынков продовольствия и для нужд самого Китая. Если говорить о нашей стране, то «на начало 2009 года китайскими компаниями было приобретено и освоено в Российской Федерации 80,4 тыс. га сельскохозяйственных угодий» [1, с. 168].

Численность китайцев в России предположительно составляет от 900 тыс. до 2,5 млн человек. По оценке ФСБ, китайская диаспора Москвы и Московской области составляет 300 тыс. человек. Согласно сведениям за 2009 г. в столицу въехало и зарегистрировалось в УВИРГУВД 12 тыс. иммигрантов-китайцев.

Самая крупная китайская община обосновалась в Москве¹. Здесь созданы некоторые общественные организации, позволяющие вести предпринимательскую деятельность: «Китайский центр развития», «Лига китайских предпринимателей» и др. «Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества» имеет свой сайт в интернете, как и китайские христиане².

Для реализации экономических проектов и финансовых операций создала сеть нелегальных и легальных банков: «Guoji huitong haining»; «Guomao yinhang»; «Haining yinhang», «Торгово-промышленный банк Китая» (он является дочерней структурой «Промышленно-коммерческого банка Китая») и «Банк Китая». Подобные банки есть и в Санкт-Петербурге, и на Дальнем Востоке. Российские эксперты не рискуют назвать возможные объёмы банковских операций, проходящие через неофициальные банки, но полагают, что учреждения ворочают гигантскими суммами. Единственный раз, ещё в 2003 г., т. е. в бытность Черкизовского рынка, появилась в России официальная оценка оборотов финансовых организаций, которую озвучило МВД. Тогда ежемесячный оборот составлял 15 млн долларов. Активная деятельность нелегальных банков означает, что китайцы уводят капитал в свои деревни и города, а страна, в которой создаётся их благосостояние, остаётся в сфере инвестиционного голода. Правительства многих государств озабочены таким положением дел, и Пекин опасается публиковать информацию об объёмах инвестиций, которые притекают из диаспор. Китайские диаспоры часто подозревают в пропекинских настроениях, они вынуждены вести себя очень дипломатично и постоянно под-

¹ См. об истории возникновения китайской диаспоры в Москве статью Калерии Горбович «За счёт чего живут китайцы в Москве». URL: www.Migrants.ru/chine.html

² См.: <http://www.rus-china.com>; <http://www.chinese.orthodoxy.ru>

чёрквивают, что их интересует только бизнес, а не политика. Тем не менее, «в государствах, принявших эмигрантов, все равно возникают опасения, что новые финансовые связи в сочетании с игрой на этнических узах позволят Китаю втянуть диаспору в сферу своего экономического и политического влияния, использовать её как инструмент для достижения своих целей» [4, с. 53]. Пекин лет двадцать игнорирует разговоры о «Большом Китае», поскольку они сеют страх и недоверие на политической арене, и добился того, что они практически сошли на нет. Китай, во избежание обвинений и кривотолков в свой адрес, 10 сентября 1980 г. обнародовал действующий и поныне «Закон о гражданстве КНР», который основан как на принципе крови, так и на принципе почвы и содержит следующие положения:

«Ст. 3. Китайская народная республика не признаёт двойное гражданство своих граждан.

Ст. 4. Человек, оба родителя или один родитель которого являются гражданами Китая и который родился на территории Китая, обладает китайским гражданством.

Ст. 5. Если оба родителя или один родитель являются гражданами Китая, то человек, родившийся вне Китая, обладает китайским гражданством. Но если гражданином Китая является только один из родителей, постоянно проживающий вне Китая, то новорождённый обладает иностранным гражданством и не обладает китайским гражданством.

Ст. 6. Если родители, не имеющие гражданства или с неясным гражданством, постоянно проживают в Китае, то их ребёнок, родившийся в Китае, обладает китайским гражданством» [там же, с. 55]. Что касается положения хуацяо (китайских эмигрантов), то китайское правительство не препятствует их желанию получить гражданство страны пребывания. По отношению к ним закон недвусмысленно утверждает, что в этом случае они теряют китайское гражданство, но «сохраняют родственную связь с китайским народом» [там же]. Такова же логика по отношению к тем, кто берет китайское гражданство: теряется предыдущее. Если хуацяо вынужден жить за пределами Поднебесной и при этом он является её гражданином, то правительство Китая настоятельно советует ему «соблюдать законы и обычаи страны проживания, жить в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания» [там же].

Роль китайских консульств строго очерчена в специальных инструкциях. Например, если китайский гражданин находится под следствием, консульство не имеет права вмешиваться в судебный процесс и помочь ему избежать ответственности за противоправные деяния. Оно не может оплачивать услуги адвокатов для китайских граждан, их счета за проживание, лечение, транспортные расходы, ресторанные счета. Получение документов, дающих право на работу и проживание в конкретной стране, дело не консульств, а самих граждан Китая. Поразительно, но

факт: даже если над гражданином нависла опасность и он хочет укрыться на территории посольства или консульства, его никто не имеет права там укрывать.

Лица китайского происхождения с иностранным гражданством (вай цзи хуажень) могут вести предпринимательскую деятельность только на положении иностранных предпринимателей, и их поддерживают соответствующие законы КНР. Таким образом, законодательство Китая проводит мысль о том, что правительство Китая не имеет властных рычагов воздействия на этнических китайцев, не имеющих гражданства КНР. Миф о «китайской угрозе» правительство пытается развеять всеми способами, демонстрируя миролюбие и уважение во внешней политике. Следует иметь в виду, что политика сочетает в себе декларативный компонент и реальную составляющую. Китайцы следуют своим национальным интересам, и практически никто в мире сегодня не рискует давать им советы в смысле стратегии их развития.

Искусство политика-реалиста состоит в готовности своевременно и адекватно реагировать на угрозы. Мудрый политик не должен создавать повода для таких угроз, поскольку его задача – создание благоприятных условий для жизни граждан, т. е. проведение такой политики, которая обеспечивает социальную стабильность в правовом ключе. Если говорить о современной России, ни о какой стабильности речи быть не может. В своё время Л. Уайт, споря с Ф. Боасом, утверждал, что существуют объективные критерии прогрессивности цивилизации – продолжительность жизни, смертность младенцев во время родов, уровень и степень владения различными видами энергии.

Демографический фактор непосредственно связан с фактором продолжительности жизни и оказывается чрезвычайно важным при характеристике того или иного общества, государства и перспектив развития культуры. Смертность в России – 700 тысяч человек в год – поражает не только зарубежных антропологов. До тех пор пока политика российского правительства не станет демократической, вряд ли стоит надеяться на какие-то позитивные изменения. Россияне по возможности пытаются получить работу в Европе, США и Канаде. Приток низкоквалифицированных иммигрантов в Россию из азиатского региона остаётся пока неизбежной реальностью. Совершенно очевидно, что Российская Федерация разделила в этом смысле судьбу Запада. Краткий обзор положения этнических сообществ на территории стран Европы и России говорит нам о том, что проблема сосуществования представителей различных культур на территории одного государства является политической и должна решаться в правовом ключе. Центральный вопрос, который актуален и здесь, и там, – уважение к закону страны пребывания и равенство всех перед законом, который должен быть равнодушен к цвету кожи, этнической принадлежности и типу вероисповедания. Остаётся лишь надеяться, что со временем так и будет.

Список литературы

1. Актуальные проблемы Европы=Urgent problems of Europe: сб. науч. пр. / РАН ИНИОН. М., 2009. № 4: Диаспоры в Европе: новая роль в обществе.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004.
3. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2007.
4. Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы // Экспресс-информация. М., 2008. №2 (147).
5. Cortell R. Islands of Contention // Financial Times. 2001. 27 Aug.
6. O'Mahony J. A people Skating on Thin Ice // Guardian. 2001. 3 Febr.
7. Martin N. Marger Race and Ethic Relationa: American and Global Perspectives. Wadsworth Cengage Learning, 2009.

ETHNIC COMMUNITIES ON THE «CROSS-ROADS OF CULTURES»

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Europe today is very attractive for citizens of Asian, African, and Latin American states because of high living standards and opportunity to find a better paid job in comparison with wages in their home countries. This is the reason why diaspora became a special form of existence for representatives of different non-European cultures. European fear much that these ethnic communities can change a character of European civilization. The principle aim of this article is to represent a spectrum of problems (mainly demographical and political ones) related to the activity of some diasporas in Germany, Italy, Spain, France and Russia. Many of the so called ethnic issues are rooted either in the colonial past, or in the political life of Europe after the second World War and have today negative political consequences (racism, for example) and vague cultural perspectives.

Keywords: *race, racism, demography, non-equality, politics.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета. E-mail: star63@yandex.ru